

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ, ФОЛЬКЛОРА И ЭТНОГРАФИИ
ИМЕНИ М.Ф. РЫЛЬСКОГО

На правах рукописи

ЛОКОТКО АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

БЕЛАРУСКОЕ НАРОДНОЕ ЗОДЧЕСТВО /XIX - СЕРЕДИНА XX вв./
07 00.07 - этнология /этнография/

Диссертация

на соискание ученой степени
доктора исторических наук
в форме научного доклада

Киев - 1993

070 000

Работа выполнена в институте
искусствоведения, этнографии и фольклора Академии Наук
Беларуси

Официальные оппоненты: доктор исторических
наук Л.Н.Чижикова
доктор исторических
наук, профессор В.Г.Гемко
доктор исторических
наук П.Ф.Лисенко

Ведущая организация

институт этнографии и искус-
ствоведения Республики
Молдова

Защита состоится " 2 " апреля 1993 г.
на заседании специализированного совета Д 0163601
по присуждению ученой степени доктора наук в
Институте искусствоведения, фольклора и этнографии
имени М.Ф.Рымского
/252001, Киев-1, ул.Грушевского, 4, IV этаж, кинозал/
в 14 часов.

Доклад разослан " 2 " марта 1993 г.

Ученый секретарь
специализированного совета
кандидат филологических наук

О.О.Микитенко

ЛНБ України ім.В.Стефаника

00825817 (V)

ВВЕДЕНИЕ

В решении фундаментальных вопросов этнологии, этногенеза и этнической истории Беларуси значительно возрос удельный вес комплексных исследований материальной культуры /Д.А.Молчанова, 1968; В.С.Титов, 1983; Этнография беларусаў. Мн., 1985; Этнографія Беларусі. Энциклапедыя. Мн., 1989/. Отдельные этнологические исследования посвящаются народному жилищу и связанным с ним областям хозяйственной деятельности /Беларуское народное жилище. Мн., 1973; Народная сельскагаспадарчая тэхніка беларусаў. Мн., 1974/. В результате исследований по программам искусствоведения, истории архитектуры, а также исследовательской деятельности музеев ^{изучены} тысячи памятников народно-традиционного зодчества /В.С.Гурков, 1975; С.А.Сергачев, 1984; В.А.Якимович, 1978, 1991; В.В.Трацевский, 1989; Архив Белорусского государственного музея народной архитектуры и быта; отчеты экспедиций 1977-1991 гг. /1, С.13, 16-17/.

Актуальным стало создание нового научного направления, определение нового предмета и объекта исследования в недрах белорусской этнологии. Таким направлением и объектом должно стать белорусское народное зодчество, многогранное явление, охватывающее общенациональные, региональные и локальные особенности экологической среды, системы расселения, типов поселений и функциональных зон их застройки /общественные и культовые сооружения, селитебная территория, зоны производственных и хозяйственных сооружений, мемориальных объектов/, усадеб, жилища и т.д. Предметом исследования, таким образом, должен стать исторический процесс формирования среды обитания этноса.

Беларуское народное зодчество нам представляется как самостоятельный объект этнологии по следующим причинам:

- оно является результатом исторического освоения этносом конкретной среды и поэтому выступает как объект исторического процесса;
- народное зодчество основывается на совокупности традиций, последние обуславливают его многочисленные национальные, региональные и локальные особенности и черты;
- народное зодчество проникнуто многочисленными элементами и проявлениями духовной культуры, традиций быта, народной этики, эстетики, самосознания.

Понимание народного зодчества как этнологического направления должно в конечном итоге обеспечить создание научной модели

процесса исторического формирования среды обитания этноса и его региональных особенностей.

Этнологическое изучение народного зодчества, т.е. предмета более обширного, нежели, традиционное жилище, позволит решить ряд важных вопросов и получить более глубокие выводы, раскрывающие эволюцию предмета исследования не только в зависимости от социально-исторических факторов, но и ландшафтно-географических /типология поселений/, демографических /расселение/, урбанистических / историческое формирование среды обитания/, эстетических /компоненты народного зодчества как художественные типы/.

Совершенно очевидна и необходимость рассмотрения белорусского народного зодчества в контексте не только культуры смежных этнических территорий, но и культур европейских народов. Конкретные задачи исследования сводятся к следующему: осуществить типологический анализ исторически сложившейся системы расселения, типов сельских поселений и усадеб; выявить общие и региональные черты в традиционном жилище, конструкциях, архитектурно-планировочном решении, интерьере и декоративно-пластическом убранстве; исследовать особенности и дать типологическую классификацию хозяйственных и производственных сооружений, малых форм; проанализировать историческую направленность эволюции особенностей народного зодчества; от локальных и региональных к общим; исследовать особенности развития народного зодчества Беларуси на протяжении XX столетия; осуществить анализ традиционно-исторической застройки городов.

Рассматриваются межэтнические связи в разрезе развития народного зодчества восточных славян.

Методология и методика данной работы определены с учетом их разработок в трудах ведущих этнологов /С.А.Токарева, Д.В.Бромяя, Е.Э.Бломквист, Е.П.Бусыгина, Г.Ю.Стельмаха, В.П.Самойловича, А.В.Ополовникова/, а также видных представителей белоруской этнологической школы /В.К.Бондарчика, Л.А.Молчановой, В.С.Титова/. Используются и современные конкретные методы: 1/ конкретно-индуктивный, на основе которого систематизируются, классифицируются и обобщаются вновь выявленные экспедиционные и архивные материалы; 2/ дедуктивно-систематический, посредством которого результаты предшествующих исследований практически используются как инструмент анализа нового вводимого в научный оборот материала и выяснения особенностей в системе предмета исследования; 3/ структурно-функциональный, посредством которого призна-

ки и особенности отдельных составляющих предмета исследования в типологические последовательности и ряды, сводные таблицы и картограммы; 4/ системный, раскрывающий конкретные объекты беларуского народного зодчества как части системы, позволяющий раскрыть их развитие и направления эволюции, диапазон типологической вариабельности /I, С.13/.

Основным источником исследования явились материалы экспедиций, охвативших все регионы Беларуси, проведенные при участии автора с 1978 по 1992 годы. За этот период было исследовано 79 районов республики, 28 городов, сотни сельских поселений и местечек, обследовано и взято на учет несколько тысяч памятников народного зодчества. К этому следует добавить оригинальные материалы, обнаруженные в Центральном государственных исторических архивах Беларуси и Литвы, республиканском архиве кино-фото-фонодокументов, отделе рукописей научной библиотеки Вильнюсского государственного университета, центральной научной библиотеки Академии наук Литвы, вводимые в научный оборот впервые /I, С.19/. Для анализа наиболее ранних периодов развития истоков формирования традиций народного зодчества восточных славян привлекаются результаты археологических исследований? В работах, посвященных раскопкам в различных регионах Беларуси в период от железного века до XIII столетия, раскрываются особенности формирования расселения, поселений, усадеб, жилищ, строительной техники /В.В.Седов, 1970; Л.А.Алексеев, 1966; В.В.Кухаренко, 1961-1964; П.Ф.Лисенко, 1974, 1987, 1991; Л.Д.Поболь, 1974; Г.В.Штыхов, 1978/.

Развитие беларуского народного зодчества в периоды древнерусской народности и феодальной раздробленности анализируется на материале летописей. С XIV столетия такими источниками становятся летописи нового государственного образования, Великого княжества Литовского /ПСРЛ, 1975/. XV-XVI века широко представлены в сообщениях актов и инвентарей /Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией. Вильно, 1865-1915/. В них системно и масштабно отражены процессы расселения в условиях развития феодально-барщинной экономики, характеризованы типы сельских поселений, местечек, их плотность, численность, планировочные изменения в зависимости от перемен и реформ в земледелии и системе рыночных отношений. Инвентари содержат конкретные описания строительных технологий, конструкций, планировки, габаритов и форм, интерьера, оборудования для различных регионов, земель, местечек, селений.

Ценный материал содержится в многочисленных дневниках ино-

странных послов. Приводятся сведения относящиеся к ландшафту Беларуси XIII века, характеру залесенности, плотности и численности поселений и особенностями их застройки. Особенно ценны сообщения о местечках и городах, имеющиеся в заметках послов Австрийского императора Августина Мейербарга и Горацио Вильгельма Кальвуччи, посла польского короля Верихарда Таннера, стольника Алексея Михайловича, Петра Толстого.

О ландшафте, расселении и некоторых особенностях инфраструктуры сельских поселений Полесского региона XVI—XVIII веков сообщают материалы и такого документа, как "Ревизия пуц и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском". /Вильно, 1867/. Особая ценность данного источника в том, что в нем, как в материалах Актов и инвентарей, содержатся многие конкретные даты возникновения поселений, первые упоминания об известных селах и деревнях.

В конце XVIII века, после присоединения белорусских земель к Российской империи, ширится интерес к вновь обретенным землям ученых Российской Академии наук. В путевых заметках С. Севергина и И. Лепехина описания белорусских земель уже даются не в произвольной форме дорожного дневника, а системно. Характеризуются природно-географические и геолого-минералогические особенности регионов вдоль маршрута путешествия, отмечается характер залесенности и богатство фауны и флоры. /Записки путешествия по западным провинциям Российского государства Василия Севергина. СПб., 1803; Таранович В.П. Экспедиция академика И.И. Лепехина в Белоруссию в 1773 году // Архив истории науки и техники. —Л.—М., 1935. Вып. 5/. К концу XVIII века относится и "Описание Кричевского графства" /Мейер А. Описание Кричевского графства 1786 г. // Могилевская старина, Могилев, 1911. Вып. II/. В нем следует отметить чуть ли не единственные в этнографической литературе XVIII—XIX веков описания растений и цветов, разводимых при усадьбах.

В XIX столетии последовательно выходит ряд этнографических исследований, подробно освещающих различные аспекты народного зодчества. Выкладки ведутся в соответствии с методикой сложившейся в сфере императорского Русского географического общества, его северо-западного отделения, а также различных научных обществ при губернских учебных округах, церковных и архивных учреждениях и носят преимущественно описательный характер. В ряде значительных этнографических исследований анализируется народное жилище различных регионов Беларуси /Н.Я. Никифоровский, 1895; П.В. Шейн, 1887—1902/.

Важное место занимают материалы по народному жилищу Могилевщины в научном наследии Е.Р.Романова. Наиболее значительной аналитической работой следует считать вышедшую в самом начале XX столетия монографию А.Харузина /1907/, целиком посвященную проблематике народного жилища восточных славян. В работе впервые предпринимается попытка осветить проблемы в ракурсе восточноевропейского ареала. Наряду с архитектурно-конструктивными традициями подробно анализируется общеславянская семантика отдельных типов сооружений.

Описанию поселений, усадеб и дворов, жилых и хозяйственных построек посвящается в начале XX века ряд исследований. /И.Сербов, 1914, 1915, 1928; А.Сержпутовский, 1910/.

В 20-е годы появляется ряд исследований, направленных на изучение конкретных локальных явлений в народном жилище. В опубликованных материалах экспедиции Н.И.Лебедевой исследованы типы дворов, жилища и хозяйственных построек Бобруйско-Мозырского подрегиона /Н.И.Лебедева, 1929/. Наиболее значительным исследованием середины XX столетия по проблеме следует считать капитальный труд Е.Э.Бломквист.

В последние десятилетия исследовались особенности традиционного жилищного комплекса белорусов в связи с подготовкой историко-этнографического атласа по методике общегосударственной и международной программ Л.А.Молчановой, В.С.Титовым, Э.Р.Соболенко, В.С.Гурковым. Главным результатом этих исследований следует считать рассмотрение народного жилища как одного из критериев определения историко-этнографического районирования материальной культуры.

Исследование традиционного жилища городов Беларуси выполнено с учетом археологических исследований Э.М.Загоруйского, Л.В.Алексеева, Г.В.Штыхова. Последующие периоды анализировались на материалах летописей и древних Актов, статистических и специальных изданиях XIX-начала XX вв., новых и новейших исследованиях З.В.Шибeko, Т.И.Чернявской и других.

Этническая проблематика белорусского народного зодчества тесно сливается с историей архитектуры и искусствоведением /В.А.Чантурия, С.А.Сергачев, Ю.А.Якимович, В.В.Траценский, А.Н.Кулагин и др./.

Межэтнические аспекты рассматривались с привлечением работ Н.Н.Воронина, Е.А.Ащелкова, О.А.Ганцкой, Т.Т.Громова, И.В.Маковецкого, А.В.Ополовникова, Д.С.Ушакова, Г.В.Степнякович, Г.Ю.Стельмаха, В.П.Самойловича, Т.В.Тихазе и других исследователей. Для этих же целей автором использованы исследо-

вания немецких, чешских и польских ученых К.Мошинского, Ч.Петкевича, З.Дмоховского, В.Крассовского, З.Глогера, Л.Нидерле. /I, С. 13-19/.

Научная новизна данного исследования заключается в следующих достигнутых результатах:

- впервые осуществлена оригинальная постановка проблемы белорусского народного зодчества как совокупности факторов окружающей, обитаемой, эстетической, эмоциональной и нравственной сред, определяющих в историческом разрезе формирование в народном зодчестве этнологических типов и признаков;

- выявлены этнологические признаки в исторической системе расселения, уточнены типы поселений и впервые проанализированы с точки зрения ландшафтно-планировочного, пространственного ансамбля, выявлены сформировавшиеся гармонические связи с внешней средой, разработано функциональное зонирование пространства поселения;

- исследована типология усадеб, общественных и культовых сооружений, выявлены взаимосвязи их планировки и форм с архитектурой крестьянского двора и традиционного жилища, уточнены типы композиций;

- исследована эволюция крестьянского двора и разработана его типологическая классификация, выявлены оригинальные черты в формировании традиционного жилища; интерьера, декора, впервые отмечено влияние на формирование жилища традиций духовной культуры;

- впервые осуществлен анализ форм, восходящих истоками к древним сооружениям, в хозяйственных и производственных сооружениях, а также в конструкциях и материалах народного зодчества;

- новым является и анализ малых форм; ритуальных и мемориальных памятников; озеленения, как неотъемлемых элементов единого пространства; опосредованных между собой образующими застройку сооружениями ландшафтом;

- дана современная оценка процессов развития народного зодчества в промежутке от начала до середины XX ст.;

- впервые проводятся глубокие исторические аналогии с сельским традиционным городским жилищем;

- впервые наравне с этнической анализируется и эстетическая специфика предмета исследования; выделяются художественные и композиционные типы, вопросы пропорций и доминантности, система построения и происхождения форм.

Теоретическое значение работы заключается в том, что она стимулирует изучение проблем в смежных науках /архитектурове-

дение, искусствоведение, археология, география и др./ . Ее материалы могут быть использованы в разработках вузовских курсов по истории и этнологии Беларуси, истории архитектуры и искусства Беларуси, в факультативных курсах.

Практическое применение результатов исследования нашло отражение в разработке тематико-экспозиционных планов и научных принципов формирования экспозиций Белорусского государственного музея народной архитектуры и быта, в научном руководстве проектом Генерального плана музея, проектами реставрации и исторических исследованиях по памятникам народного зодчества. Практическим использованием результатов является также разработанная концепция реставрации и приспособления памятников традиционной деревянной застройки городов Беларуси, реконструкции деревянных исторических предместий Минска. Практическое значение исследования видится также в реализации программ по возрождению традиционных черт сельской инфраструктуры Беларуси. Здесь весьма полезными станут раскрытие в работе исторические аспекты взаимоотношений в системе сельской сферы обитания и природно-экологической среды. Полученные результаты могут быть положены в основу конкретных рекомендаций по использованию прогрессивных традиций поселений различных регионов.

Раскрытие в исследованиях типов общественных и культурных, усадебных, жилых, хозяйственных и производственных сооружений, конструктивных систем могут быть практически использованы в создании мобильных, модульных объектов сельской застройки, функциональных по содержанию, конструктивных по форме, эстетичных с точки зрения традиционных представлений. Раскрытие типов традиционно-исторической городской застройки окажутся весьма полезными в проектировании коттеджных зон застройки.

Подробно проработанная классификация элементов народного зодчества позволит выявить ряд архитипов, служащих критериями в определении историко-культурных ценностей застройки селений и городов.

Рассмотрение белорусского народного зодчества как этнокультурного комплекса получило апробацию в коллективной монографии "Беларусь", серии "Народы и культура", подготовленной к изданию институтом этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая АН Российской Федерации.

Отдельные идеи обсуждались также на научных конференциях музея этнографии в Санкт-Петербурге /1990-1991 г.г./, конференции республиканских музеев в Минске /1990 г./. По теме исследования опубликовано две монографии, ряд статей. Готовится факуль-

тативный курс для 8-II классов средней школы, разработана программа изучения и фиксации памятников белорусского народного зодчества в регионах страны, потерпевших от Чернобыльской аварии, которая предложена для совместной реализации Петрозаводскому университету с привлечением специалистов из Финляндии. Подготовлено Постановление Президеума республиканского общества охраны памятников, готовится соответствующее Постановление Совета Министров республики по сохранению памятников народного зодчества.

I. ПРИРОДНО-ЛАНДШАФТНЫЕ И ИСТОРИКО-ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ СРЕДЫ ОБИТАНИЯ

I. Расселение и типы поселений. Наиболее древним типом расселения для Беларуси, как и для других регионов Европы, является береговой тип. Распространение славян шло вдоль берегов Днепра, Березины, Птичи, Припяти, Немана и Западной Двины. У мест слияния рек возводились городища. Примером пойменного типа является городище на Менке, где малое /цитадель/ и большое /окольный град/ городища расположены у слияния реки Менки и ручья Дуная /общая площадь около 1 га/. Вокруг, на надпойменных плато, находились селища, общей площадью около 30 га. Второй тип - городище на крутом береговом склоне /Лукомль, Браслав/. Третий, болотный тип был характерен для южных регионов Беларуси, низменных болотистых ландшафтов, покрытых лесами. В городищах северных регионов, как правило, выделялась особо укрепленная часть /цитадель/ и одно-два жилых ядра. Городища полесского региона чаще использовались как временные укрытия в период военных столкновений.

Формирование пойменного типа расселения связано с освоением приречных долин. Это также тип широко известный в Беларуси с эпох неолита, бронзы, раннего железа. Он широко представлен на территориях милоградской и зарубинецкой культур. Владевшие достаточно развитой технологией земледелия, славянские этнические общности начинают внедряться в пространство надпойменных террас: вырубаются в лесах делянки, прокладываются дороги, возводятся поселения на водораздельных плато. Формируется надпойменный, водораздельный тип расселения.

Типы поселений дославянского периода, городища и селища в период с VI в. до н.э. по II в. н.э. образовывали два территориальных ареала. Северному были характерны городища с многокамерными общинными каркасными домами /со II-III вв. срубными/. В южном преобладали селища, застроенные однокамерными столбовыми полуземлянками. В процессе распада у дреговичей, радимичей и

кривичей патриархальной общины /УП-IX вв./ городища обретают иное значение средоточения ремесленников, очагов формирования раннефеодальных городов /I, С. 21-22; 20, С. 13-16/.

Развитие системы расселения, изначально определяется сетью водных коммуникаций, а впоследствии и сухопутных. В узлах пересечения тех и других возводились замки, строились городки. Система расположения замков периода XIV-XVI вв. закономерно связана с сетью местных и транзитных торговых путей. Формирование территориальной аграрной системы происходило с учетом сети ключевых поселений, каковыми являлись города как центры развивающихся рыночных отношений, административного управления и обороны.

В ходе социальной эволюции этноса на формирование пространственной, территориальной структуры поселений все большее значение оказывают факторы, производные от процессов хозяйственного освоения ландшафта. Один из наиболее древних типов сельских поселений, весь, "веска", "уёска" на территории Беларуси формировалась вследствие семейных разделов внутри патронимических групп, а также в силу подселения огородников и батраков /вдольников, потружников/. В силу традиций родства или свойства дворы служилого люда и бобылей группируются отдельными выселками. С упорядочением структуры полей севооборота белорусские "вески" все в большей степени обретают черты регулярной планировки /I, С. 22-24; 20, С. 19-22/.

С XI века, согласно летописей, известны как тип поселения и деревни. Планировочно-пространственная структура деревни развивалась аналогично веси-"весци". Происхождение же термина, возможно, связано с понятием "драть", раскорчевывать делянку, или обозначает поселение в ареале лесов, при подсечном земледелии. В XУП-XУШ вв. деревни Беларуси - это различные по числу дворов селения, впоследствии не относящиеся к разряду сел, местечек, однодворков /I, С. 24/.

Поселения со специфической, радиально-центричной планировкой у восточных славян начали формироваться в X-XI вв. в средоточении податных единиц /погост-округ/, а позднее - территориальных центров /погост-центр/. Типологическим признаком погоста являлось наличие вотчинной феодальной усадьбы /погост-центр/, церкви, корчмы. Как тип поселения, погост просуществовал в Беларуси до XVI в. /до волочной меры/. К XIX веку погост сохранился как видовой топоним /Погост, Новый Погост; Погост Загородный и т.д./ I, С. 22; 20, С. 19-20/.

Княжеские, боярские и церковные села, известные по летописям с XI-XX вв. имели планировку, соответствующую функциональ-

ному зонированию их застройки: территории размещения церкви, помещицкой усадьбы, корчмы. Помимо вотчинного центра, село постепенно обретает значение центра административного. В XIX столетии село в Беларуси — это поселение с церковью, школой, волосной управой, запасным магазином, корчмой. Но, вместе с тем, исторически сформировалось и употребление термина; как обозначение типа сельского поселения; тождественного деревне /т.е. некогда здесь было село/. Такие села, как и большинство поселений Беларуси XVI—XIX вв. были малодворными /Новое Село, Старое Село, Староселье и др./ I, С.23; 20, С.19-20/.

Тип малодворного поселения с иррегулярной застройкой представляли слободы. В отличие от русских и левобережных украинских /казацких/ белорусские слободы были пашенными. Слобода в XVI—XVII вв. в Беларуси обретает известное в названиях посадов городов XI—XIII вв. значение ремесленного предместья. Нынешние "слободы" являют не что иное, как видовые топонимы: Браковая Слобода, Красная Слобода, Слобода, Слобода /I, С. 23; 20, С.20/.

"Устава на волоки" 1557 года коренным образом изменила структуру сельских поселений. Податной единицей становится не двор, "дм", а поселения: "села тягле", "осадине", "дворные" и т.д. Земли мелких селений объединяются, структура упорядочивается. На границах полей севооборота, за околицей, возникают одноворки мелкой шляхты: застенки, овульки, околицы /I, С.25; С.20-21/.

С XVI века инвентари и акты начинают постоянно упоминать и о типичнейшем порождении волочной реформы — фольварках. Первоначально, это небольшие поместья по производству товарного хлеба. В конце XIX — начале XX вв. с внедрением в сельскую экономику товарно-денежных отношений, получают распространение хутора /I, С.26-27; 20, С.21/.

Археологические материалы свидетельствуют, что размеры поселений на территории Беларуси в период первобытнообщинного строя, при низкой производительности труда и коллективной оброне, были значительными. Теснившиеся вблизи городищ селения разрастались, занимая площадь до десятков га. В раннефеодальный период сельские поселения не могли быть значительными. Постепенно вотчинные центры, села, окружались деревнями, слободами, застенками и околицами. Как исторически сложившаяся характерная черта малодворность поселений Беларуси сохранилась вплоть до начала XX в. В особенности это относится к Посозерью, с сильно пересеченным и залесенным ландшафтом. Здесь многие

селения насчитывали от 2 до 10 дворов. Поселение в 30-40 дворов считалось крупным. На низинных и равнинных ландшафтах /Понеманье, Полесье, Поднепровье/, где имелись обширные пахотные угодья, поселения были крупнее /I, С. 28-29; 20, С.22/.

В развитии планировки сельских поселений Беларуси прослеживаются типы с отличительными чертами, обусловленные ландшафтно-географическими особенностями, структурой земледелия и коммуникаций, плотностью расселения.

К концу XIX - началу XX вв, в Беларуси выделялись ландшафтно-географические регионы с определенными размерами сельских поселений.

1. Полесский, с преобладанием в конце XIX-XX веков многодворных поселений, сформировавшихся в условиях освоения заболоченных и залесенных территорий и укрупнения и объединения мелких селений.

2. Среднебеларуский. Географически эта полоса ограничена на севере Опшанской, Логойской и Оршанской возвышенностями, а на юге границей среднебеларуского плато и полесской низменности. Значительные пахотные земли, большой удельный вес местечек и городов, густая сеть коммуникаций и высокая плотность расселения определили сравнительно небольшие расстояния между населенными пунктами.

3. Поозерье. Исторически сложившаяся система расселения в большинстве своем состояла из малодворных поселений, бессистемно расположенных в 3-15 дворов /I, С. 29-31; 20, С.18/.

Бессистемный тип присутствовал в регионах с холмистым ландшафтом, сильно пересеченным сетью водоемов и обильной залесенностью /Поозерье/. В Восточном Полесье помимо указанных факторов, влиял и фактор объединения в поселения патронимических групп, которые некогда образовывали отдельные малодворные селения /двориша/ /4/.

Кучевой или гнездовой тип, в видоизмененной форме, присутствовал в уже отмеченных малодворных бессистемных поселениях Поозерья. В поселениях с линейной, или уличной застройкой кучевая структура выявляется в наличии патронимичных групп дворов. /I, С. 32-34/.

В Уш-IX вв. у восточных славян формируется тип поселения с застройкой обращенной к реке или озеру. Позднее береговой тип застройки "двор ко двору" нашел продолжение в строительстве поселений вдоль дорог /двухсторонняя застройка/. Береговой тип послужил основой развития последующего, называемого условно гребенчатым, когда к основной, ориентированной вдоль реки улице, достраивались перпендикулярные ей концы. /I, С. 35; 20, С.18-19/.

Мощным стимулом развития линейной /уличной/ застройки в Беларуси стала "Устава на волюки". Поселение располагалось в среднем поле трехпольного севооборота. Здесь нарезались наделы: волюки; или ее части. Направление улицы определялось трассировкой дороги, пересекавшей узкие и протяженные "гривы", "шнуры". Там, где брал даву волюку, предусматривалось жилище и хозяйственные строения ставить на (противоположных) сторонах улицы: У кого надели насчитывали полволюки и менее; следовало всю усадьбу ставить на одной стороне. Однако, по истечении некоторого времени, в ходе неизбежных семейных разделов, первоначальные полосы измельчались, застройка уплотнялась /крыша к крыше/ и приобретала сплошной двухсторонний характер. Дальнейшее развитие вело к образованию новых улиц по пригуменьям и связывающим их переулкам /многоуличная, квартальная застройка/.

Уличный тип застройки наиболее широкое распространение получили в Поднепровье, Центральной Беларуси, Понеманье и Западном Полесье. В Восточном Полесье он соседствовал с бессистемным. В средней полосе Беларуси имел распространение и так называемый погостный план, разновидность радиальной планировки. Здесь же к концу XIX - началу XX вв. сформировался многоуличный тип поселений, возникший как результат слияния мелких выселков и деревень. С началом программы осушения болот данный тип стал весьма характерным для полесских регионов. /1, С. 36-57/.

Отдельно следует остановиться еще на одном историческом типе поселения, местечка. Его возникновение было обусловлено распространением денежной ренты и возникновения вотчинных торгов в XV-XVI вв. Помимо частновладельческих, в королевских экономиях создавались казенные торги и местечки. Планировочная классификация местечек Беларуси обуславливается закономерностями формирования ремесленно-торговых поселений конкретного стиля: готические /площадь с прилегающими к ней по касательной улицами/, ренессансные, барочные /преимущественно частновладельческие, у замков и резиденций/, ампирные /возникшие в результате осуществления градостроительной политики в первой половине XIX в./.

Исторически сложились отличия между местечками восточных и западных регионов Беларуси. Первым характерно отсутствие такого типичного для местечка элемента, как площадь. Мощение в местечках восточных регионов, как правило, отсутствовало, удельный вес деревянной застройки приближался к абсолюту. Местечкам западных регионов было характерно наличие площади как главного структурного элемента, размещение на ней общественных и культовых сооружений /церкви, костела, синагоги, ратуши или волостной управы,

торговых рядов, школы, корчмы и др./.. По периметру располагались дома лавочников и торговцев, ремесленников и арендаторов. По ландшафтными признаками местечки Беларуси могут быть классифицированы на сухоходольные, болотные и береговые /местечки пристани или портовые/, что соотносит их с общей системой ландшафтного расселения. /I, С. 57-70; 20, С. 22-28/.

Историческая система расселения Беларуси формировалась как составная часть определенного ландшафтно-климатического региона Европы. Как и на всем континенте в целом и его восточном ареале в частности, исторические потоки расселения распространялись вдоль русел рек. Междуречья и водоразделы осваивались по мере развития земледельческого хозяйства.

Беларусь в силу ряда исторических причин оказалась на перепутье главнейших торговых путей между востоком и западом; севером и югом. Это определило структуру коммуникаций и довершило формирование системы расселения. Три ландшафтные зоны: южная, полесской низменности, средняя платообразная и северная, моренных ландшафтов, определили региональное зонирование исторической сельской застройки.

Анализ исторических и планировочных типов сельских поселений Беларуси свидетельствует, что и здесь присутствуют закономерности и черты, характерные ареалу расселения славян. Вместе с тем отличительные черты в аграрной истории и отмеченные выше природно-географические факторы обусловили формирование ряда самостоятельных, характерных типов: линейной и уличной деревни с уличной застройкой, малодворных типов поселений /застенки, овулки, околица, фольварок, хутор/, а также белорусского местечка. Эти факторы являются важными признаками этнической принадлежности и выразителями национального своеобразия сельских поселений Беларуси. /I, С. 270-271/.

2. Функциональное зонирование застройки. Общественные и культовые сооружения, усадьбы. Уже на этапе формирования таких типов поселения, как погост, село, деревня, в их застройке начали определяться принципы функционального зонирования. Так, совершенно определенно выбиралось место, где сооружались господский дом и церковь. Это были чаще всего возвышенные места /для церкви/ и открытые ровные пространства, удобные для строительства феодального двора. Собственно селитбная территория располагалась на одном из полей севооборота. При этом застройка располагалась с учетом удовлетворительной инсоляции, водоотведения и водообеспечения /наличия реки, озера, родников, доступных водонесных горизонтов/, продуваемости /роза ветров/. На некотором

отдалении располагалось кладбище, как правило, на возвышенном месте. Сельские кладбища под сенью старых берез, лип и сосен издревле являлись характерной чертой ландшафта. Если до земельной реформы XVI века функциональное зонирование в сельских поселениях Беларуси не выделялось из общих для восточных славян традиций, то в пореформенный период в функциональной структуре со временем сложился устойчивый стереотип. Суть его заключается в том, что селитебная территория выделялась как единая целая часть застройки. Общественные и культовые сооружения в ее структуру не включались. Они располагались преимущественно у въезда в деревню или у пересечения улиц.

Деревянное культовое зодчество Беларуси своими истоками восходит к раннеславянским оборонным сооружениям. Именно в последнем были практически апробированы многоярусные срубные объемы, шатровые завершения, башни и барабаны; нашедшие затем дальнейшее развитие в культовом зодчестве. Принципом модульности являлось создание композиционных решений путем различных сочетаний срубов как в плане, так и по высоте. Культовые каноны повлияли на выбор композиций, а также облагородили суровые и рациональные формы деревянных кремлей и детинцев. /I7, С. 42/.

Целесообразно выделить два основополагающих принципа формирования композиционно-планировочных структур: осевой /притвор, неф, алтарь соединяются по оси/ и центричный /притвор, алтарь, боковые приделы группируются по горизонтальной и вертикальной осям нефа/. Вертикальное развитие объемов соответственно предполагает выделение ярусно-осевого и ярусно-центричного типов. /II, С. 55; 7; I7, С. 40-41/.

Анализ этнографических особенностей народного зодчества Беларуси обнаруживает, что в объемно-пространственном решении деревянных культовых сооружений присутствуют закономерности и черты, характерные традиционному жилищу и усадебной застройке. Так, осевые и ярусно-осевые композиции наиболее распространены на юге Поднепровья, в Центральной Беларуси, Полесье и регионах близки к традициям линейной усадебной застройки. Центричные и ярусно-центричные композиции характерны северным регионам Беларуси и близки крестным и периметрическим /веночным, круглым/ дворам. /II, С. 54-58; 20, С. 28-29/.

Деревянное зодчество Беларуси создало и такой глубоко национальный тип культового сооружения, как унияцкую церковь. Ее яркой отличительной особенностью являлось смещение башни с главкой от центра / что характерно православной церкви/ к притвору / как в однобашенных костелах/. При этом архитектура башни сох-

ранила выраженные церковные черты: многогранный барабан, пластические формы главки и фонаря. Их стилистические черты восходят к эпохе Ренессанса, на которую приходится формирование унияцкой церкви. Этим же следует объяснить и присутствие в некоторых унияцких церквях Беларуси купола — своеобразная аналогия с формами церкви Иль-Джезу в Риме.

Иной характер имеет архитектура традиционных деревянных костелов, распространенных преимущественно в западной части Поозерья, Центральной Беларуси, в Понеманье и Западном Полесье. Основным типологическим признаком здесь является наличие башен на западном фасаде нефа. Их истоки следует видеть в архитектуре храмов оборонного типа и усадебных домах с оборонными чертами. Здесь присутствуют формообразующие истоки, характерные католическим храмам Европы в целом; восходящие к оборонным формам романского и готического периодов. Деревянные костелы Беларуси следует подразделять на безбашенные, однобашенные, двухбашенные /наиболее распространенные/ и трехбашенные /небольшая башенка располагается между угловыми /17, С. 40-44; 20, С. 29-30/.

Традиционные черты народного плотничества ярко проявились и в архитектуре деревянных мечетей. Мечети Беларуси — памятники материальной культуры этнических групп татар, расселившихся здесь с XIV в. в Понеманье, северо-западе Центральной Беларуси и западе Поозерья. Типологически мечети Беларуси следует рассматривать в такой последовательности: 1) мечети с близкой к квадрату планировкой, однорубные, с четырехскатной крышей, увенчаной минаретом. Со стороны входа имелась столбовая галерея — подсенъ; 2) мечети сформировавшиеся на основе деревянной архитектуры церквей и костелов; 3) мечети с характерными элементами исламской архитектуры /галереи, минареты, купола/. Первые два типа возникли как естественный результат заимствования конструктивных решений и форм плотничества коренного населения. Последний тип возник в результате знакомства с архитектурой ислама во время торговых путешествий и с изображениями на восточных ритуальных коврах и настенных знаменах передаваемых в дар мусульманским общинам Беларуси. Особенностью белорусских мечетей является раздел ритуального пространства на две части: мужскую и женскую. Не исключено, что истоки этого явления восходят к традициям жилища кипчаков. /16, С. 64-73; 20, С. 30-31/.

В местечках Беларуси, где значительный процент составляло еврейское население, имелись деревянные синагоги — безбашенные

сооружения, характерной чертой которых являлось наличие просторного, близкого к квадрату срубного объема с высокой крышей сложной конфигурации. Основной объем часто был окружен по внешнему периметру галереями и пристройкам, имеющими отдельные крыши, что создавало характерное сочетание объемов различных пропорций.

Значительную группу культовых сооружений составляли также различные часовни /православные и католические/. В большинстве своем они представляли собой один или два небольших сруба с шатровыми или двухскатными крышами и небольшими главками. Известны также католические часовни в виде миниатюрных двухбашенных костелов. /20, С. 31/.

Оборудование интерьера деревянных монументальных сооружений Беларуси развивалось с учетом религиозных канонов /иконостаси, киоты, солеи, настенные и потолочные росписи и т.д./: Однако здесь ощущался отпечаток и региональных особенностей, свойственных декоративно-прикладному искусству. Так, в восточных регионах в интерьере широко применялись резьба и иконопись по левкасу. На Полесье помимо иконографической живописи использовались изделия из соломки /царские врата/. На Полесье, в костелах, имели широкое распространение полихромная скульптура. В убранстве интерьера широко использовались изделия традиционных промыслов и ремесел, ткачества, кузнечного ремесла, гирлянд цветов и живой зелени. /7/.

Ярко определяется цельность и своеобразие деревянного монументального зодчества Беларуси в системе построения форм. Она представляет собой определенные геометрические соотношения, единые для различных типов культовых сооружений. Метрический анализ объектов белорусского деревянного монументального зодчества, впервые выполненный автором, обнаружил, что в целом здесь наблюдаются закономерности, свойственные монументальному строительству всего восточноевропейского ареала: исходный модуль — ширина нефа в осях, соотношение продольных, поперечных и высотных размеров как стороны квадрата к его диагонали /вытекает из последовательности окружностей и квадратов, вписанных и описанных начиная от изначальной окружности с диаметром равным ширине нефа/. Вместе с тем, выявлены и некоторые особенности: единые пропорциональные соотношения отдельных частей сооружений между собой и к общим габаритам как в плане, так и по высоте, соответствие мелких членений /проемов, надглавной символики/ элементарному модульному измерителю, наличие пропорциональной связи с иными сооружениями, входящими в ансамбль /брама, колокольня/. Деревянные церкви и костелы Беларуси строились с учетом закономер-

ностей построения пространственного ансамбля. Их силуэты органично увязывались с ландшафтными акцентами /15, С. 33-36/.

Традиции народного жилища явились источником генезиса архитектурных усадеб и поместий. Усадебный дом белорусского фольварка развивался на основе традиционной хаты на две половины /хата - сени-хата/. Сени со стороны главного въезда имели крыльцо на столбах /"ганак"/ и сквозной выход во двор. По сторонам сеней анфиладно располагались жилые комнаты. Дальнейшее развитие шло путем добавления в плане боковых крыльцов, а также устройства цокольного этажа /для подсобных служб/ и мансарды или алькедды /комнаты для отдыха, кабинеты/. Со стороны выхода во двор пристраивались гостиная и зал /"зала"/. Такой тип усадебного дома был характерен в различных стилевых вариациях и масштабах до середины прошлого столетия. Позже, в эпоху эклектики и модерна, развиваются ассиметричные композиции с использованием башнеобразных форм /летние гостиные, кабинеты, смотровые площадки/.

В фольварке или малкой усадьбе со стороны подъезда к дому располагался чистый двор, на котором, как и в традиционной сельской усадьбе, находились клети, сирницы, амбары, ледник и т.п. Отличалось благоустройство, неотъемлемыми атрибутами которого были подъездная аллея, площадка с клумбой перед крыльцом /курдюкер/, боскеты. С противоположной стороны дома располагался хозяйственный двор. Неотъемлемыми элементами усадьбы являлись также сад, оранжерея с экзотическими культурами, выращиваемыми в кадучках. В летнее время их выносили и располагали перед домом. Во многих усадьбах имелись зверинцы. Оборудование интерьера формировалось с применением изразцов, шпалер и гобеленов, лепнины и резного декора, предметов живописи и декоративно-прикладного искусства, изготовленных как на многочисленных местных мануфактурах, так и привозных. Бытовая среда белорусских усадеб соответствовала уровню культуры и духу времени Европы. При многих дворах имелись театры, крупные библиотеки, галереи и коллекции ценных произведений искусства. /18, С. 26-27; 20, С. 71-74/.

С традициями народного жилища была связана и архитектура корчмы. В период раннего средневековья корчма у славян играла роль общественного клуба. Начиная с XV-XVI вв. судьбы белорусской и русской корчмы пошли различными путями: белорусская корчма сохранила свое общественное значение, русская стала постепенно трансформироваться в питейный дом /кабак/, или ресторанное заведение /трактир/. До середины XIX в. корчмы Беларуси часто располагались в центре поселения, рядом с церковью и постоянным двором. В XIX веке в Беларуси корчмы строились у въездов в поселения, на

перекрестке дорог, у трактов, торжищ, переправ и паромов, мельниц.

По функциональным признакам в Беларуси выделяются два типа корчм: незаезжие и заезжие. Первые в комплексе с дворовыми постройками /хлевы, конюшня /"стадола"/, каретный сарай, были близки традиционной усадьбе с несвязанными постройками. Собственно корчма в этом случае включала шинок, комнату постояльцев и жилище корчмаря с кухней. В заезжей корчме к комплексу шинка и жилых помещений присоединялся и каретный сарай с конюшней /"стадола"/. При этом постройка стодола определялась традициями усадебной застройки: на продольной оси шинка /по типу линейных, погонных дворов/, параллельно шинку /по типу крытого двора/, по типу Г-образного двора; а также на оси сеней шинка /Т-образный план/ /1, С. 257-261/.

Среди иных административных и общественных сооружений, следует отметить дома волостной управы или земского собрания, церковно-приходской, или народной школы.

Здания волостной управы в белорусском селении строились по типу хаты на две половины: крыльцо на столбах, просторные сени, слева и справа от которых располагались комнаты волостных чиновников, канцелярия и архив. Здания земского собрания, появившиеся в восточных регионах Беларуси после реформы 1864 года, являлись по сути жилищем земского начальника, в котором и проводились собрания. Как правило, это был дом местечкового типа, срубный с высокой вальмовой крышей, накрытой дранкой или гонтом, окнами с наличниками и ставнями, резными карнизами. Имелось крыльцо на столбах, небольшие сени и несколько жилых комнат вокруг них /две-три/ - 20, С. 31/. Школьные здания, которые стали распространяться после реформы 1864 года, отличались от традиционного жилища незначительно и включали: крыльцо, сени, кладовую, комнату для одного-двух начальных классов, насчитывавших от двух до десяти учеников, одну-две комнаты учителя с отдельным входом /19, С. 14-15; 20, С. 31-32/.

В поселениях, являющихся центрами сельских обществ, возводились общинные амбары /запасные магазины/: Их строительство усилилось после распространения на территории Беларуси известных указов Екатерины II. До этого запасные магазины строились по типу традиционных амбаров и саранов /клетей/, с рубленным порогом на выносе, столбовым навесом /приклетником/. Такие магазины могли иметь один или два яруса. С распространением на территории Беларуси законов Российской империи, стали возводиться об-

шинные амбары типовых образцов: протяженные сооружения со сквозным проездом по сторонам которого размещались рубленые засеки-закрома /1, С. 255-257; 20, С. 32/.

Характерные признаки традиционной клетки /близкий к квадрату сруб со столбовой галереей / определили архитектуру такого типичного для белорусского местечка сооружения, как торговые ряды. Протяженная структура последних есть результат тиражирования исходного модуля /клетка, свирни/.

II: ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ТРАДИЦИОННОЙ СЕЛЬСКОЙ ЖИЛОЙ СРЕДЫ

1: Типы дворовой застройки. В Беларуси исторически определялись два типа традиционной сельской застройки: замкнутый /восточный/ и линейный /погонный/. Как для Беларуси, так и для других восточно-славянских регионов, замкнутый тип — один из наиболее древних, восходящих к бессистемным, гнездовым поселениям. По мере продвижения с юга на север, замкнутость дворовой застройки усиливается и прослеживается постепенный переход к крытому типу. Можно предположить, что для степной и лесостепной зон, изначально типом являлся двор с несвязанными постройками. Для зоны лесной полосы изначально являлась застройка с элементами крытого двора. Этнографическим материалом, подтверждающим данное мнение, является присутствие в Беларуси /Поднепровье, Посерье/ типа крытого двора. Развитием крытого двора являлся замкнутый двор, в котором к блоку жилого звена и хлевов с площадкой для отстоя скота /денником/ под общей крышей добавляются клетки, поветки, истопка /варивня/, возовня и другие постройки, образующие чистый двор. Следующим этапом являлось формирование открытого хозяйственного двора, жилое звено заняло диаметральноное положение. На юге Поднепровья и в Восточном Полесье еще в начале XX в. отмечались дворы-курени /расположенные в центре жилого звена окружены хлевами и хозяйственными постройками /1, С. 70-88; 3, С. 115-116; 20, С. 32-36/.

Линейная /погонная/ застройка на территории Беларуси начала формироваться еще в пору расселения в полесской низменности дреговичей. В этом случае, ее генезис мог объясняться чисто функционально /с в заболоченной местности наиболее удобной площадкой под застройку являлся гребень узкой песчаной возвышенности /1, С. 88; 3, С. 11 - 115/.

Стимулом дальнейшего распространения линейной застройки явилась "Устава на волоки", так как последняя лучшим образом

соответствовала узким и протяженным "шнуром", "гривам", "шарункам". Аналогичная реформа, проведенная в XIII в. в Словакии, также способствовала распространению линейных дворов /I, С: 88-107; 3, С: II6-II7/.

В процессе эволюции возникли переходные формы П-Г-образные и двухрядные дворы, наиболее широко представленные в Восточном Полесье: Двухрядные дворы широко распространены в Понеманье, в некоторых локальных районах Центральной Беларуси и Западного Полесья: /I, С: 108-112; 3, С: II6-II7; 20, С: 36-38/.

Для всех регионов общей чертой структурно-планировочного строения является функционально обусловленная связь помещений и построек в звеньях: жилое звено /хата - сени - камора, клеть, житопка, кладовая/, звено хлевов для крупного рогатого скота /стойня, коровник, телятник/, звено помещений для мелкого скота /свиней, овец/. Связующим между звеньями являлись повети; возовни, сеники, навесы для дров, в которых располагались небольшие срубы птичника и иные мелкие постройки: /I, С: 93-94; 3, С. II9-120/.

Объемно-пространственное формирование дворовой застройки подчинялось некоторым принципам: функционального соподчинения /расположение звеньев в определенной, обусловленной хозяйственными потребностями последовательности/; конструктивного единства и самостоятельности /степень конструктивной свободы звеньев/; объемно-пространственного единства, отражающем закономерности образования объемной соподчиненности построек как частей единого ансамбля. /I, С. 98-105; 3, С: 121-126/.

Дворовая застройка Поозерья, Понеманья, Западного Полесья отличается архитектурной целостностью и объемно-пространственным единством. В Поднепровье, Центральной Беларуси, в Восточном Полесье в композиции дворовых построек наблюдается доминирование жилого звена, как в планировке, так и в объемном решении /I, С. 105; 3, С: 124-126/.

В начале XX в. получает распространение двор с несвязанными постройками, который можно рассматривать как продукт встречной эволюции линейного и замкнутого типов. Вместе с тем историческая эволюция дворовой застройки это звено единой цепи развития сельской усадьбы восточно-европейского ареала. Очевидно, что механизм этой эволюции определялся природно-географическими и хозяйственно-бытовыми условиями. Так, в степной и лесостепной полосе исторически сложилась периметрическая открытая застройка /дворы-курени/, которая легко трансформировалась в несвязанную,

так как имела множество легких хозяйственных строений, а отдельные хлевы и вовсе часто размещались в виде открытых загоронок. В средней полосе дворовая застройка обретает монументальность, защищенность. И уже в северной лесной полосе и отдельных районах Прибалтики приобретает господство крытый двор со значительным удалением жилища от земли /на подклете/. Аналогичное направление развития дворовой застройки характерно и горным регионам, по мере подъема из долин к хребтам. Формирование дворов с несвязанными постройками в средневропейской полосе можно рассматривать также как результат единого процесса встречного развития открытых и крытых типов и форм. /I, С. 107-112; 3, С. 126/.

2. Материалы и конструкция. В XVII-XVIII столетиях территория Беларуси более чем наполовину была покрыта лесами. В ряде регионов имелись промышленные зоны спелого /в возрасте свыше восьмидесяти лет/ леса, пригодного не только для возведения построек, но и для судостроения. В начале XVIII столетия интенсивные разработки леса велись в междуречье Дняпра и Сожа /Оршанско-Кричевская равнина/, а также в междуречье Березины, Друти и Дняпра. Члены Российской Академии наук С. Севергин и И. Лепехин в конце XVIII в. также отмечали лесные богатства Беларуси. Таким образом, лес издревле являлся здесь основным строительным материалом. К началу XX в. четыре пятых застройки Минска составляли деревянные сооружения. Для уездных и заштатных городов этот процент в большинстве своем равнялся 100%. В XIX столетии залесенность Беларуси все еще составляла около 40%. /I, С. 116; 2, С. 31-50/. Для возведения монументальных сооружений /культовые, административные, общественные постройки/ использовался лес в возрасте свыше восьмидесяти лет, длинномерный /9-12 м./. Для возведения дворовых построек также применяли спелый лес. Это обеспечивало долговечность строения, измеряемую полутора - двумя столетиями. В полесских регионах в условиях более высоких годовых температур, для возведения дворовых построек использовали ольху и осину. В качестве оснований применяли дубовые стулья /"штандары"/, нижние дубовые венцы /"падрубы"/. К северу от Полесья, наравне с деревянными основаниями, широко применялись и фундаменты из камней. Стены возводились преимущественно из сосны, реже из ели. Наиболее древняя, столбовая конструкция в XIX начале XX в.в. применялась в дворовой застройке для наращивания длины стен /в шуль/. Значительно шире применение столбовой конструкции, как несущей, в устройстве крыш, поветей, сеников, гумен. /I, С. 116-117/.

В Поозерье, Поднепровье, восточной части Центральной Беларуси для возведения срубов использовался преимущественно круглый лес. В Понеманье, западных районах Центральной Беларуси бревна стен отесывались на два канта, в Понеманье имел широкое распространение опиленный на четыре грани брус. В Полесских регионах применяли бревна рассеченные пополам /двуми/. Для плотного сопряжения применяли горизонтальный паз /драчку/. Археологические материалы и сохранившиеся памятники свидетельствуют, что изначально применялась технология кладки драчкой вверх, позднее сменяемая на противоположную. /1, С. 120-139; 2, С. 11-16; 4; 6; 14; 20; С. 38-40/.

Важной этнографической особенностью является наличие в белорусском народном зодчестве региональных разновидностей угловых сопряжений. В регионах распространения стен из кругляка преобладает угол "в чашку" /Поднепровье, Поозерье, спорадически Центральная Беларусь/. В регионах применения бревен отесанных на два канта /Центральная Беларусь, Понеманье/ применялся "простой" угол с остатком. В Понеманском регионе, где имели распространение срубы из бруса, применялся "чистый" или "немецкий" угол, без остатка. На Полесье, спорадически в Центральной Беларуси и Поозерье известен угол с граненой обработкой остатков /"в охряпку"/. В Полесских регионах остатку угла придавалась сложная конфигурация /"угол в каню"/ /1, с. 120-139/.

Несмотря на незначительные изменения географической широты, в Беларуси отчетливо прослеживается граница перехода от жилищ "поземной" конструкции к жилищам на подклетах. Глинобитные "токовные" полы были характерны практически всей южной половине Беларуси. В северной половине республики распространены дощатые полы. Простейшим являлся пол /мост/ из колотых плах, уложенных на землю. Такой архаический прием в хозяйственных постройках существовал до середины ХI в. /жердяные накаты в хлевах, возовнях/. Пол по лагам /ладмостям/ выявлен археологами практически во всех городах Беларуси Х-ХII вв. В Поднепровье и в восточной части Поозерья в подполье жилища сооружались погребца. В Поднепровье, в качестве фундамента применялся дубовый подруб, закрепленный в угловых шулах - столбах /1, С. 115, 120-139; 2, С. 17; 14; 14/.

Два исходных типа, двухскатная и четырехскатная /шатровая/ крыш определялись на территории Беларуси еще в железном веке. Червы в многокамерных обширных жилищах северной половины республики, вторые - в однокамерных полуземлянках южных регионов.

Крыши на самцах /разреженный закат/ двухскатной формы с покрытием соломой или щепой /тесом/, в XIX - начале XX вв. имели распространение в Восточном Полесье, Поднепровье, восточной части Центральной Беларуси /бассейн Березины/, спорадически в Поозерье / I, С. 21, 117-118; 4; 14 /.

Имел распространение и второй тип срубной крыши, пирамидальной, генетически связанный с эволюцией форм однокамерных построек Полесья. Гораздо шире были распространены столбовые, каркасные крыши, восходящие истоками к постройкам столбового типа. Как и в предыдущих случаях, наиболее архаичные образцы сохранились в хозяйственных сооружениях. Исходными, по-видимому, являлись шатровые крыши из наклонных жердей и тесин поддерживаемых в центре столбовой опорой. С осевым развитием плана постройки таких опор ставилось несколько. В просторных гуманных сооружениях столбы-сохи, /дубовый столб с развилкой вверху/ ставились в два ряда, связывались между собой горизонтальными ригелями и подкосами, системой балок и связей, увязывались со стенами. Крыши на "сохаха" передавали на стены лишь четверть веса, что было весьма важно при столбовой конструкции стен, наращивании их длины через шулы. /I, С. 119-120; 4/.

В хлевах и жилых постройках, имеющих небольшие пролеты, возник вариант сошной конструкции с опиранием на поперечные стены и балки. При этом освобождалось от опор внутреннее пространство /крыши на полусосках, дедках/. Для большей устойчивости стали помимо полусосок применять и крестовину из брусков, козлы /крыша на козлах/.

С распространением легких драночных, а позднее гонтовых крыш столбовые и срубные конструкции быстро вытесняются стропильными. Пять стропил /крока/ врубались в наружные выпуски балок /Центральная Беларусь, Полесье/ в бревна верхнего венца / во всех регионах/, в мауэрлат, уложенный на наружные выпуски балок /Западное Полесье/. В регионах бытования крыш на самцах - в мауэрлат /"мурлату"/, расположенный с внутренней стороны. Он, по сути, являлся рудиментом сволаки самцовой крыши /Поозерье, Поднепровье/. В конструктивном решении стропил воплотились многие архаичные приемы: нижняя опорная часть в виде сука /Центральная Беларусь/, вырезка в стропилах гнезд и укладка в них жердей, заменяющих обрешетку /Поозерье/ /I, С. 120-129; 20, С. 41-43/.

Реконструкции археологов и документальные свидетельства о курных жилищах показывают, что изначально перекрытие и покрытие /крыша/ были практически совмещены. Сводчатый потолок увеличивал

пространство, что было весьма важно в условиях топки печки по-черному. Пробразом сводчатого перекрытия могут быть выполненные из сплошного бревенчатого наката /"закота"/ потолки клетей. В крышах столбовой конструкции потолок сооружался отдельно, по горизонтальным бревнам /сволокам/ имел в сечении треугольную, а позднее трапециевидную формы /Полесье, Понеманье/. С устройством отвода дыма в сени, или через дымоход наружу, распространение получают плоские потолки. Это дополнительно создавало чердак /"гарышча"/ и обеспечивало утепление хаты. /I, С. I18; I20-I39/.

Первоначально почти повсеместно распространение имели потолки на продольных балках /вследствие эволюции крыш на самцах/. Во всех регионах за исключением Поозерья и в особенности на Полесье, бытовали потолки на мощной продольной балке /"траме"/, на которую опирались две, три поперечные балки меньшего сечения. На Полесье в жилых постройках преобладали четырехскатные крыши и крыши с широким козырьком /"прычолкам"/ /4/. Вследствие этого, здесь известны и потолки на полутраме. В Поозерье зафиксированы отдельные случаи устройства двойных балок: нижней, для настилки потолка и верхней, для конструкции крыши.

Таким образом, в эволюции конструкций народного зодчества Беларуси очевидно следующее: отдельные регионы республики входили в ареалы эволюции типов конструкций Восточной Европы /Поозерье, Поднепровье - срубные типы крыш, Полесье - сваевные основания, столбовые несущие конструкции, Понеманье - основание из камней, брусчатые срубы, чистый угол и т.д./. На фоне развития общеславянских особенностей в конструкциях сформировались конкретные приемы, характерные регионам с их природно-климатическими и хозяйственными условиями /срубы из дублей на Полесье, дубовые подрубь в Поднепровье, срубы из кругляка - в Поозерье и Поднепровье, из бревен отесанных на два канта в Центральной Беларуси, из бруса в Понеманье и т.д. и т.п. /I, С. I20-I39; 4; 6; I4; 20, С. 39-44/.

3. Традиционное жилище, интерьер, декор. Зародившиеся еще в дославянский период особенности жилых построек /многокамерных общинных в северной и однокамерных - в южной частях Беларуси/, в какой-то мере нашли отражение и в эволюции жилищ славянского населения. Так, однокамерный тип, с легкими каркасными сенями, являлся характерным для Полесских регионов вплоть до конца XIX в. В Восточном Полесье такие хаты имели четырехскатную или шатровую крышу. В дворовом комплексе сени часто заменялись поветью.

В Западном Полесье, в силу более прочной связи жилища с хозяйственными звеньями погонной застройки, наряду с однокамерными бытовали двух и трехкамерные варианты: с сенями, камерой, истопкой.

В Поднепровье наиболее типичным являлся трехкамерный вариант. Двухкамерный вариант здесь часто присутствовал в виде пятистенки. Проозерский тип может быть представлен вариантом следующей планировки: хата-сени-^{камера} истопка/погреб. Именно такой вариант здесь наиболее характерен. Трехкамерное жилище наиболее типично и для Центральной Беларуси, однако в регионе присутствуют и условленные варианты. Их дальнейшее развитие прослеживается в Понеманье. Здесь в конце XIX — начале XX вв. сегментация традиционного жилища достигает наибольшего развития. Помимо основных планировочных типов в регионах присутствует и большое число локальных разновидностей. /I, С. 122-125, 128-129, 137, 139-143/.

Особенностью народного жилища Беларуси является диагональная организация внутреннего пространства. По диагонали располагались печь и красный угол, кухонный /базий кут/ и место отдыха /"пол", "палаці"/. Диагональная организация внутреннего пространства определила и несимметричное решение в размещении проемов: напротив устья печи и напротив красного угла.

Около четверти всей полезной площади занимала печь на высоком деревянном подрубе, или деревянных колодках. К северу от Полесья, помимо печи, для обогрева жилища часто использовались также лежаки, грубки, стенки, шитки. Печной подруб и печной столб сохранились как рудименты технологии глинобитных курных печей. Большое ритуальное, обрядное и функциональное значение имел печной столб. В него врубался конец толстой жерди /"б'ла"/, на которой висел полог и, таким образом, отгораживалось спальное место хаты. Печной столб выступал как своеобразный алтарь и хранитель домашнего очага.

Интерьер киллой среды имел конкретные региональные отличия. Так, на Полесье, традиционными являлись выбеленные стены, массив побеленной печи, контрастирующие с темными глинобитным полом и прокопченным потолком, потемневшими лавами, настелом для сна /"полам"/. В этой среде колоритно воспринимались льняные настольные скатерти и ручник-набожник в красном куте, украшенные узорами из красных ниток, клетчатый сеник, сундук /"куфер"/ расписанный орнаментом из голубых васильков /4/. В Поднепровье и Центральной Беларуси колорит интерьера отличался приглушенностью тонов /темные отесанные и выскобленные стены/. На дощатых полах — льняные тканые дорожки, яркое пятно белой

печи. /14/. Интерьер Поозерья выделяется теплыми тонами выскобленных бревен, ощущение уюта усиливает белизна печи и грубки. В Понеманье, в южной части региона вновь появляются побеленные стены, тканый полог на шестке /"ашостку"/ /6/. Для каждого региона было характерно свое эмоциональное содержание жилого пространства, облик жилой среды.

Предметный мир традиционного жилища беларусов начинался с пристенной мебели. Так, на Полесье помимо лав, стола в красном куту, нар, настенного буфета для посуды /"паліцн"/ или шкафчика, выделялся дымоход подвешенного к потолку лучника. В средней части Поднепровья, Центральной Беларуси и Понеманье, в южной части Поозерья в интерьере присутствовал такой элемент как пол ти. В этих регионах более активно в конце XIX - начале XX в.в. присутствуют местного изготовления деревянные диваны /"канапы"/, шкафы, кровати. Традиционный стол с задвижным ящиком /"шуфлядкай"/ также имел региональные отличия, изготовлялся на козлах, четырех ножках-опорах, опорных горизонтальных брусках. В изготовлении деревянных кроватей и канап присутствовали художественные элементы: резьба, пластическая обработка конструкций. В Поозерье и Поднепровье незатейливость их форм компенсировалась росписями с мотивами растительного орнамента. В Понеманье канапы и шкафы часто приобретались в местечках у известных мастеров, отличались сложностью пластической обработки, имели тонировку и лаковое покрытие. В интерьере зажиточных крестьян присутствовали на стене часы в деревянном футляре, как правило, немецкого или австрийского производства, местечкового изготовления настенный кухонный буфет с остеклением в свинцовых переплетах, газовая лампа.

В регионах распространения трехкамерного жилища часть оборудования размещалась в камере, кладовой, клети. Древняя традиция использовать сени, камору, клеть как летнее жилище /"ляцн"/ в Беларуси сохранилась вплоть до начала XX в. Это лишний раз свидетельствует, что традиционное жилище беларусов представлялось как сочетание ряда помещений, комплекс, жилое звено, /1, С. 145-174; 2, С. 20-21; 90, С. 44-48/.

Жилище беларусов примечательно не только функциональными, конструктивными и объемно-планировочными особенностями. В народном представлении существовал и определенный его духовный, эмоциональный, эстетический образ. Этот образ формировался уже в исполнении последовательной цепочки ритуалов, сопровождавших строительство жилища на всей его протяженности: выборе места,

площадки, заготовке материалов, закладке фундаментов, возведении стен, крыши. Обряды, связанные со строительством жилища, восходят к дохристианской традиции, в них присутствуют и культы земли, воды, огня и тотемистические и анимистические ритуалы, — весь комплекс традиционного мировоззрения. Продолжение ритуалов следовало в момент новоселья и затем, с известной периодичностью, на протяжении всей жизни. При этом отдельные элементы жилища имели определенное ритуальное значение: печь, камин, печной столб, углы каты, дверные и оконные проемы, порог. Обряды и ритуалы имеют сугубо локальную географическую привязку, что свидетельствует о их принадлежности к культурам древних этнических общностей /родовых групп, племен и т.д./. Духовная культура жилища имела тесную связь с региональными особенностями традиционного, семейного и бытового уклада, с традициями семейной иерархии и бытовой этики. Эти факторы несомненно оказывали воздействие и на планировочную эволюцию жилища.

С духовными и этическими представлениями тесно связаны и эстетические и свидетельство тому — характер мифологического и символического содержания сюжетов народной архитектурной резьбы. Здесь присутствуют: 1. знаки родовой принадлежности /тамги/ и обереги; 2. символика плодородия и представлений о мироздании /символы вселенной и звезд, солярные знаки, обозначения суточного движения светил и т.д./; 3. символы жизни, древо жизни, символика благополучия и семейного счастья. Эстетический и семантический смысл декоративных композиций строится по принципу орнамента на основе следующих мотивов: 1. растительного; 2. зооморфного; 3. орнитологического; 4. ихтиоморфного; 5. геометрического; 6. геральдического; 7. антропоморфного; 8. бытового /сценки быта, сюжеты типичных явлений окружающей среды /I, С. 174-184; 5, 68-69; 13/.

По технике исполнения архитектурный декор народного жилища Беларуси подразделяется на: 1. глухую долбленную резьбу; 2. трехгранно-внемчатую; 3. воротковую; 4. рельефную; 5. пропиленную. Разные технические приемы используются в сочетании и с конца XIX — начала XX вв. /с распространением лобзика/ дополняются богатыми накладными узорами. /I, С. 180; 5, С. 68; 13/.

Для Беларуси характерно постепенное нарастание резного декора по мере продвижения с запада на восток. При этом западным регионам свойственно применение таких эстетических средств, как шалевка срубов /Понеманье, запад центрального региона/, пластическая обработка конструкций /Понеманье/, использование цвета окраска шалевки, наличников и ставен, фронтонов /Понеманье, цен-

тральный регион/, побелка срубов /Полесье/. Аналогичные эстетические приемы здесь присутствуют и в монументальном зодчестве. В то же время, расцвет резьбы в Поднепровье и части Восточного Полесья имеет некоторую аналогию с убранством деревянных церквей, присутствием резьбы в иконостасах и т.п. /I, С. 184-195; С. 70-72; I3; 20, С. 49-52/.

Традиционное жилище Беларуси имеет выразительные эстетические черты. Можно выделить вполне конкретные региональные художественные типы: 1. Поозерский и северного Поднепровья, с выраженными элементами монументальности /стены из кругляка, самцовые конструкции крыш, сдержанность декора/; 2. Понеманский, с элементами пластической обработки конструкций, выразительностью форм /вальмовые крыши и крыши с причелком/, использование шалевки и полихромии / в том числе побелки/; 3. Полесский, выразительный своей пропорциональностью, характерностью объемов и форм /шатровые и вальмовые крыши; крыши с причелками самцовой и каркасной конструкции/. Яркий эмоциональный контраст создавали выбеленные срубы, темные тона крыш; 4. Юго-Восточное Поднепровье и Восточное Полесье, регионы яркого насыщенного резного декора, получившего здесь стремительное развитие в первой половине текущего столетия. Отличительной чертой традиционного жилища Беларуси является его архитектурно-планировочная и композиционная связь с усадебной застройкой, органическое сочетание пропорций и форм с окружающим ландшафтом.

4. Хозяйственные и производственные сооружения; малые формы и мемориальные памятники. В Поднепровье, востоке Центральной Беларуси и Поозерья, юге Центральной Беларуси в составе жилого звена присутствует свирон, клеть. В прочих регионах — в усадебной застройке, как отдельное сооружение. Типологическая классификация по архитектурно-конструктивным признакам, позволяет выделить: тип клетей без столбовой галереи /восточные и юго-западные регионы/; тип клетей со столбовой галереей /запад Центральной Беларуси и Поозерья, Понеманье/. Кроме того, выделяются типы в зависимости от объемно-планировочного решения: одноярусные; двухярусные /запад Центральной Беларуси и Поозерья, Понеманье/ и двойные /запад Поозерья/. В полесских регионах бытовали клетки и свирны на сваях. В Понеманье и на западе Центральной Беларуси клетки наряду со столбовым приклетником, часто имели и выложенную из камней подклеть /погреб/. В клетях с приклетником над галереей консольно выносятся вперед срубный выступ / на три-четыре бревна/, лобовик. Консольный вынос второго яруса, столбовые га-

лереи, балкончик над ним, приподнятость над землей, высокие каменные подклетки, крыши, подчас сложной формы, придавали клетям яркую, эстетическую выразительность: Соотношение форм, эффект светотени, определяли в этих постройках определенный устойчивый образ, способствующий закреплению и передаче сложившихся архитектурных традиций /I, С. 197-202; 20, С. 52-56/.

Древнейшее хранилище корнеплодов на территории Беларуси - погреб. В Поднепровье и Понеманье, на возвышенных песчаных холмах, еще до недавнего времени /середина XX в./ строились простейшие погребные ямы, широко известные в древности по археологическим материалам. В Поднепровье и ряде районов Центральной Беларуси известна традиция устройства погребов в подполье хаты. При этом в Центральной Беларуси в начале XX в. такие погреба помимо люка в полу имели вход со стороны уличного фасада, из полисадника. На западе Поозерья погреб также устраивался в подполье варивни /"стобкі"/ в составе жилого звена. В Центральном регионе и Понеманье широко бытовали каменные подклетки в свирнах и клетях /I, С. 202-208; 6; I4/.

В южных и восточных регионах подземелье погребов укреплялось деревянными плахами, в северных и западных регионах использовался преимущественно камень. Следует отметить, что формы надземной надстройки /"паграбні"/, как правило, соответствуют формам, характерным и для иных сооружений. Так, в восточных регионах, преобладают двухскатные погребни, тогда как в Понеманье встречаются и вальмовые, и более сложные сочетания вальмы с трехскатной крышей. В Понеманье известен тип погреба с вынесенным над уровнем земли каменным цоколем, обложенным дерном, над которым сооружается деревянная погребня. В западной части Поозерья известны погреба перекрытые сводом из камней, обложенным снаружи дерном. Таким образом, в устройстве погребов прослеживается влияние древних традиций /погребные ямы, капцы/, функциональных связей с жилищем и соседствующими с ним строениями, местного строительного материала.

Истоки и варивни /"Ішэнікі"/ являют собой типы наземного отапливаемого хранилища корнеплодов, распространенные там, где характер грунта не позволяет строить погреба /Полесье, юг Центральной Беларуси/. В Центральной Беларуси и Поднепровье истопка часто присутствовала как элемент жилого звена. Как отдельностоящая постройка, истопка /варивня/ являла обычный сруб - четырехстен, но часто дополнительно, через шулы, пристраивалась пристопка - тристен. Связь пристопка - истопка имеет аналогию с

другой постройкой крестьянского двора, но с совершенно иным функциональным назначением, — баней. Баня /"лазня"/ распространена в Беларуси восточнее линии, пересекающей ее территорию с северо-востока на юго-восток, приблизительно по руслу реки Березины. Этот рубеж является западной границей распространения бань в Восточной Европе. Поднепровская баня — это небольшой четырехстен /"мыльня"/ с предбанником — тристенем /"прылазнік"/, двухскатной крышей и печью — каменкой. Бани Поозерья имеют преимущественно четырехскатные крыши и часто располагаются у искусственных прудов /"сажалка", "копань"/ /I, С: 208—211; 20, С: 56—59/.

В традиционной линейной /погонной/ и замкнутой /веночной/ усадьбах хлевы являли собой структурную часть комплекса /звенья/. В погонной застройке эти звенья /стаяня, хлевы для крупного рогатого скота, овчарня/ соединялись посредством вспомогательных помещений: сеников, поветей /межсарайников/. Существование хлевов, как неотъемлемой части единого периметра в застройке в веночных дворах Поднепровья, зафиксировано в традиционной терминологии /"адрыня", "пуня"/. В Поозерье хлевы — это комплекс расположенных периметрически срубов с крытым или открытым внутренним пространством /"дзяняніком"/. /I, С. 230—234; 14; 20, С. 59—61/.

Постройки пригуменья традиционного крестьянского двора Беларуси подразделяются на ряд типов: 1. Простейшие сооружения для просушки и хранения /стог, стирта/; 2. Каркасные сооружения для просушки и хранения /"азярод", "пярэплат"/, распространены в Поозерье, северо-востоке Понеманья, севере и востоке Центральной Беларуси, севере Поднепровья, на оставшейся территории — спорадически; 3. Открытые столбовые сооружения с подвижной крышей /"абарог"/; 4. Закрытые, одно и двухъярусные столбовые постройки для хранения сена и соломы /"спіртні"/, регион бытования — центральные районы Понеманья; 5. Столбовые сеники и пуны с жерднями, или плетеными стенами /Поозерье, север Центральной Беларуси /2, С: 234—245/.

В регионах, где функция обмолота и хранения злаковых не были связаны с их огневой сушкой /Полесье/, архитектура гумна была подчинена созданию вместительного защищенного пространства: стены из трех-семи венцов накрывались высокой шатровой крышей на столбах-сохах. В центре располагалась токовище /"ток", вокруг него — засеки /"застаронкі"/.

Огневая сушка в гумнах Поднепровья осуществлялась при помощи небольших евен, имевших, как правило, один ряд колосников. Стапливалась евя напольной печью-каменкой. На юге Поднепровья

были известны и варианты размещения печи в специальном приямке. Гумна севера Поднепровья и Поозерья часто имели двухъярусные осети. В Поозерье известны были и осети, сооруженные вне гумна /разновидность русского овина/.

Гумна Беларуси продолжали развитие форм, традиционных народному зодчеству различных регионов. Так, пирамидальные, четырехскатные крыши, восходящие к однокамерным жилищам, нашли продолжение в гумнах Полесья. В Поозерье известны гумна с трехскатными крышами и вальмой над фронтоном со стороны ворот. В миниатюре такая форма присутствует в Понеманских погребках. В Поозерье широко были известны пуня и гумна с двумя вальмами. Крыши такой формы применялись в хатах на две половины, усадебных домах, фольварках. Видится определенное единство в преемственности форм и характерного традиционного образа — стереотипа, свидетельствующего о конкретной этнографической принадлежности /I, С: 234-235; 4; 6; I4; 20, С. 61-63/.

Малые формы в народном зодчестве выступают как нечто опосредованное между природной окружающей средой и застройкой. Изгороди из прорастающих тополиных колеб, обсадка усадеб ивняком, различного типа плетни, сохранили свою целесообразность до середины текущего столетия, что обуславливается их соответствием сложившимся представлениям о взаимосвязи человеческого жилища и природной среды.

Простейшие жердяные изгороди, распространенные повсеместно, служили в некоторой степени и определенным метрическим модулем /типа известного на Руси прясла/. Древнейшая ограда — частокол. В Беларуси известны ее различные региональные разновидности: это "сасновы плот" в Поднепровье, "плот" в Центральной Беларуси. В Поднепровье и Поозерье известен выполненный из горизонтальных бревен, жердей, или плах "замет". В Понеманье имели распространение каменные ограды. Если на Полесье, юге Центральной Беларуси ворота из жердей и досок, легкие, совмещающие и функцию калитки, или последнюю заменяет перелаз, то в Поднепровье, Поозерье и северных районах Центральной Беларуси присутствуют брамы с навесом, двухстворчатыми глухими воротами и калиткой. Такая брама являлась неотъемлемым элементом архитектуры двора. /I, С: 211-219; 4; I4/.

Помимо природных источников водоснабжения в селах Беларуси традиционно строились колодцы-коловороты и колодцы-журавли. Практическое применение того или иного зависело от уровня грунтовых вод. В определенный типологический ряд выстраиваются типы конструктивного решения проемов: колодцы — кайдубы из

цельного дубового ствола на Полесье; из вертикальных и горизонтальных плах /со столбовым и срубным соединением/ в Поднепровье, Центральной Беларуси, Поозерье; каменные - в Понеманье /I, С² 223-225; 20, С. 63-67/.

Из производственных сооружений для данного исследования интерес представляют те, которые выделяются в формировании ландшафтной панорамы поселения /ветряные мельницы/, воздействуют на окружающую среду /водяные мельницы/, в отдельных случаях включаются в структуру застройки /кузницы, конные молотилки /манежи/ и др.

В Беларуси водяные мельницы имели распространение с X-XI вв., чему свидетельство как летописи, так и фольклор и мифология. Наилучшие мельницы встречались в отдельных районах Припяти и Днепра, но к концу XIX в. вышли из употребления. На реках и ручьях с крутыми берегами возводились мельницы преимущественно с верхним боем /Поозерье, север Центральной Беларуси, Понеманье/. В низинных поймах ставили колеса с нижним боем и водяные турбины /юг Центральной Беларуси, Поднепровье, Полесье/. Водяные мельницы, как правило, строились в комплексе с крупнодерягами, шерстечесальнями, механизмами по изготовлению дранки, столярной мастерской. В комплекс часто входили корчма, дом завозника. В XUI-XUIII вв. имели широкое распространение шаровые, бумажные мельницы и толчеи /I, С. 249-251/.

Ветряные мельницы /ветряки/, "вежи млыновья", согласно древних актов, известны в Беларуси с XVI века. На территории республики имели распространение два типа: козловки на западе и шатровки в восточных регионах. Спорадическое распространение шатровок наблюдалось в Центральной Беларуси, Понеманье и Западном Полесье. В регионах с преобладанием малодворных поселений, хуторов и однодворков использовались различных типов малогабаритные ветрячки, ветряные турбины, ветряки на колесах /Поозерье, на хуторах в Западном Полесье/. Для науки большой интерес представляет объяснение того факта, что наиболее технически совершенные и требовавшие больших затрат металла шатровки распространены преимущественно в бассейне реки Днепра и прилегающих к нему зон. Как нам представляется, причиной тому могли служить экономические связи данного региона с севером и западом Европы в связи с разработкой поднепровских лесов /I, С. 245-249; 4; 14; 20, С. 67-70/.

Единство жилой среды человека и ландшафта выражалось в традиционном присутствии в силуэте поселения Беларуси деревьев. Изначально в основе этого явления преобладали мировоззренчес-

кие, духовные аспекты, характеризующие отношения с внешним миром обитателей лесной полосы. Дерево и жилище воспринималось как хранитель благополучия, как связи с предками, памятью о них. Для полесских регионов характерным являлось присутствие на усадьбе /"дзІчкі", рябины, калины. В Поднепровье, Центральной Беларуси, Понеманье рядом с жилищем росли липы, березы, реже - клен. В Поозерье, в особенности в малодворных селениях и хуторах, иногда присутствовала и аль. Силуэт старых деревьев вдоль улицы издали обозначал расположение селения в ландшафте. Озеленение усадьбы дополняли фруктовые деревья и ягодные кустарники. Там, где битовали палисадники /Центральная Беларусь, Понеманье/, в них высаживали сирень /"бэз"/ /4; 14/.

За многие версты были видны силуэты сельских кладбищ: на одиноких холмах среди равнин в Поднепровье, у лесных опушек на песчаных гривах в Полесье. Сквозь старые деревья проглядывали часовня или кладбищенская церковь. Деревья символизировали и определяли среду и пространство памяти. На Поднепровье кладбища /"кладзе" / в Центральной Беларуси /"клады" / обносились неглубоким рвом, которому придавалось известное значение оберега. Такое же значение придавалось и выложенным из полевого камня оградкам кладбищ Поозерья и Понеманья. Наряду с деревянными, каменными, металлическими памятниками христианской символики, присутствовали и надгробия, истоки которых кроются в дохристианских верованиях. К ним относятся срубные "гэрамкі" известные в Поднепровье, Центральной Беларуси и Полесье, надгробие в виде вертикальных или горизонтальных колод /Полесье/, невысоких деревянных обелисков /Полесье, Центральная Беларусь/. Гораздо шире распространены надгробия в виде отесанного с одной стороны камня. Помимо традиционного креста, на них изображались символы "древа жизни" /Поозерье/. В Понеманье имели широкое распространение ажурные кованые кресты и ограды могил. Таким образом, в пространстве памяти, каковым в народном мировоззрении являлось кладбище, всегда присутствовали начала ритуально-символическое и эстетическое и через них находило проявление этническое своеобразие.

В пространстве усадьбы, поселения присутствовали и иные ритуально-символические малые формы: столбовые часовни, кресты. Их ставили как памятники предкам, в ознаменование памятных событий по случаю стихийного бедствия, эпидемия, голода, на местах будущего возведения церквей, совершения чудес и т.д. Ставились ритуальные знаки у целебных источников /прош/. Они ук-

рашались изделиями ткачества /"вбродный крейж"/. Истоки ритуальной символики кроются в глубинах языческой культуры. Этнографическая специфика мемориальных и ритуальных знаков заключается в привязке конкретных видов к регионам и локальным районам. /Г, С. 219-229/.

III. НАРОДНОЕ ЗОДЧЕСТВО БЕЛАРУСИ В XX СТ.

С начала третьего десятилетия XX в² в народном зодчестве Беларуси происходят существенные изменения. Создание комун, а впоследствии коллективизация затронули столетиями формировавшиеся органически связанные с природой структуры исторически сложившейся жилой и хозяйственной среды.

В ходе проведения коллективизации во всем комплексе сельского расселения, планировки и застройки появились ряд типов: тип расселения, построенный не на основе природно-этнографических особенностей, а на принципах хозяйственного планирования; тип поселения, созданный путем сгона малодворных деревень, хуторов с селитебной территорией, параметры которой определялись минимальными размерами подсобного хозяйства; созданием нетрадиционных функциональных зон: административно-управленческой /правление колхоза, сельсовет/, культурной /клуб; школа, библиотека/, торговли и обслуживания, производственной /колхозно-совхозный двор/; тип усадьбы, включавшей жилище, минимум хозяйственных построек. Из-за исключения некоторых строений /клетей, стаян, части хлевов/ разрушаются традиционные планировочные типы. Исчезает пригубежье, появляется тип жилища, в котором меняются функции ряда помещений; составлявших ранее жилое звено.

До середины XX в. застройка селитебной территории формировалась в подавляющем большинстве самими застройщиками на основе переработки, приспособления и развития традиционных типов и форм.

Во второй половине XX в² формируется перспективная градостроительная концепция расселения Беларуси, построенная на принципах административной и хозяйственной соподчиненности и общетерриториального и регионального централизма. Столица республики и областные центры становятся главенствующими узлами политических, социально-экономических и культурных связей. Формируются зоны пригородных хозяйств крупных городов. В единую систему завязывается и развитие сельских территорий. Всемерно задействуются ландшафтные и природные резервы, осушаются болота, нивелируется природная гидрологическая сеть.

Дальнейшее развитие этого процесса началось со середины 70-х годов в связи с программой строительства агропромышленных комплексов. Созданные для этой цели головные проектные институты /БелНИИгипросельстрой и др./ приступили к разработке всеобъемлющей реконструкции сельских поселений в сторону их укрупнения. Возникла доктрина неперспективных деревень и укрупненных центров /усадеб/ колхозов и совхозов. Была разработана серия типовых проектов: административных центров, центров торговли и бытового обслуживания, школ и дошкольных учреждений, домов культуры, производственных зон с мощностями по местной переработке продукции. Селитебная территория обрела вид типового рабочего поселка. Использование элементов традиций в архитектуре носило чисто формальный характер и выражалось в эклектической переработке отдельных форм и украшательстве. Рафинированная типовая застройка одинаково обезличивала как сельскую, так и городскую среду и стимулировала резкую миграцию населения.

За последние десятилетия были разработаны следующие типы сельского жилища: многоквартирный дом в одном или двух уровнях /коттеджного типа/; двухквартирный жилой дом /в одном или двух уровнях/; четырехквартирный жилой дом /в два этажа/; многоквартирный четырех-пятиэтажный дом.

Квартира включала прихожую, кухню /с выходом во двор и деготовочную для подготовки кормов/, столовую, гостинную, спальню /включая детскую/. Последние при планировке в двух уровнях размещаются на втором этаже. Для всех типов двор включает небольшой хлев /иногда гараж/, палисадник, огород.

В 80-е годы стала очевидной несостоятельность концепции о неперспективных поселениях и идеи безудержного укрупнения комплексов при минимальных размерах подсобных хозяйств. Проявилось себя и игнорирование окружающей среды, региональных особенностей ландшафта, исторических коммуникаций и традиций расселения, планировки, национальных и локальных черт народного зодчества.

Чернобыльская трагедия вызвала необратимые изменения в целых регионах, в хозяйственном, социальном, демографическом развитии всех сельских территорий республики. В настоящее время разрабатываются научные концепции возрождения экологического баланса природно-ландшафтных регионов, исторической системы расселения, традиционных элементов сельской среды. На уровне Правительства республики принят ряд постановлений: "О приоритетном социально-культурном и экологическом развитии села и агропромышленного комплекса", "Основные направления возрождения и разви-

тия белорусской национальной культуры", программа "Наследие" и другие. Разрабатываются научные программы возрождения региональных, субрегиональных локальных особенностей народно-традиционной культуры, традиций социально-территориальной общности села: Территориально-пространственной основой возрождения должно стать историческое сельское расселение и его типы. Структурной единицей станут поселения — центры, носители традиционных элементов этнокультурного комплекса. В этой связи становятся актуальными и традиционные формы самоуправления, самоорганизации, самостоятельности, обеспечивающие гармоничное развитие эволюционирующей системы "Человек-среда"/I, С. 261-265; 4; 20, С. 74-78/.

IV. ТРАДИЦИОННОЕ ЖИЛИЩЕ И АРХИТЕКТУРА ГОРODOB

Археологические материалы свидетельствуют, что города Беларуси IX-XII вв. имели совершенные в фортификационном отношении крепости, состоящие из мощных валов на деревянной субструкции, стен, возведенных из городней и тарасов, с обламами и башнями в несколько ярусов. Застройку детинцев и посадов составляли одно-двух и трехэтажные срубные жилые постройки на подклетьях, штаңдах, сваях, или подрубах, с самцовыми крышами, полами по лагам. Внутренняя обстановка городских жилищ состояла из печи-каменки, пристенных лав, стола, полатей. Но жилища князя, вождей дружины, духовенства и зажиточных мещан отличались большим набором помещений /многокамерные/, имели вертикальное развитие /на подклетьях и в два-три яруса/, широкие крыльца и столбовые галереи, просторные сени и горницы, печи с дымоходами /Полоцк, Берестье, Минск/ /2; С. 3-23; 9, С. 44; 20, С. 17-18/.

С XIV в. Беларусь входит в состав Великого княжества Литовского, а с XVI в. — в Речь Посполитую. Градостроительство Беларуси включается в систему не только восточноевропейской, но и западной архитектуры. Один за другим белорусские города получают права магдебургии. Ядром города уже становится не великокняжеская резиденция, а здания магистрата, ратуши, представительные культовые сооружения различных религиозных орденов и братств, рыночная площадь с домами-лавками и торговыми рядами. На смену прежней приходит новая градостроительная схема: град — посад с торгом посередине. Последний — средоточие общественной и торгово-экономической жизни города. Древний детинец утрачивает свое назначение, развитие города нередко идет в новом направлении.

В городах XIV-XVI веков град скорее понимается как частновладельческий замок, расположенный поблизости городов /2, С. 23-30; 9, С. 44-45/.

Дворы зажиточных мещан по набору построек напоминали фольварочный комплекс: жилой дом из нескольких горниц, сеней, кухни, каморы, нескольких клетей, хозяйской и даже гуменный комплекс. Жилые дома городских феодалов представляли собой деревянные хоромы в два-три этажа с галереями и башней дворовой церкви /часовни/.

После присоединения земель Беларуси к Российской империи, в конце XVIII - начале XIX веков, правительство осуществляет ряд мероприятий по реконструкции городов, направленных на ликвидацию планировки феодального периода. Срываются земляные укрепления, спрямляются и упорядочиваются улицы. На протяжении XIX века разрабатывается и осуществляется ряд Генеральных планов Минска, Витебска, Могилева, Гродно и многих провинциальных городов. Внедряется квартальная /эмпирическая/ планировка. Наряду с традиционными торговыми и культовыми сооружениями строятся административные, учебные здания, театры, благотворительные учреждения, вокзалы, заводы, покгоузы, электростанции. Появляется водопровод, конка /2, С. 31-33; 9, С. 45/.

Рост частного сектора в условиях развития капиталистических отношений в белорусских городах во второй половине XIX - начале XX в. начал нарушать четкую градостроительную систему первой половины прошлого столетия. Растут предместья ремесленников и торговцев, рабочие слободы. Дом на две половины на кирпичном фундаменте или каменном подвале /сутерене/, флигель, хлев, огород, сад, тесовые ворота, - таков типичный вид городской усадьбы начала XX в. Планировка городского жилища XIX - начала XX в. базировалась на модуле включающем: крыльцо, переднюю с кладовой, две-три жилые комнаты и кухню, крыльцо с дворовой стороны. Из таких модулей состояли дома на две, три, четыре жилые части /2, С. 33-122; 9; 12/.

Интерьер городского жилища выделялся наличием печей отделанных изразцами /преимущественно белыми, гладкими/, оклейкой стен обоями / в Минске имелась крупная обойная фабрика/. У наиболее зажиточных стены и потолки могли быть оштукатурены и украшены лепниной, филенчатые двухпольные двери, выкрашенные в белый цвет с латунными ручками. Предметы мебели: от стола, шкафа, кровати, нескольких стульев и верстака у простого ремесленника, до зеркал, пианино, венских кресел, шкафов и буфетов в стиле мо-

дерн у богатой мешанки, сдающей дома в наем /2, С. 48-49; С. 47-48; 12/.

В послереволюционный период началась планомерная реконструкция городов Беларуси? Градостроительные изменения в первую очередь были обусловлены изменением социальной и хозяйственной структуры. Менялись функции административных и культовых сооружений, сооружений торговли и сферы обслуживания. В корне менялась жилищная политика: национализировались доходные дома, особняки и резиденции? Жилища, заселенные ремесленниками и лавочниками, передаются рабочим семьям. В крупных городах появляются новые площади, застроенные представительными зданиями учреждений власти и управления, расширяются и спрямляются центральные улицы ввиду организации сети общественного транспорта? Появляются новые типы зданий: дворцы культуры, кинотеатры, стадионы и спортивные сооружения, комплексы высших и средних учебных заведений, универмаги и т.д.? Реконструируются и создаются новые скверы, сады и парки, водоемы? Уже в 30-е годы начинается строительство в таких городах, как Минск, Гомель, Витебск, Могилев многоэтажных жилых домов. Возникают крупные жилые районы.

Во второй половине текущего столетия очередной этап реконструкции городов республики был обусловлен восстановительным периодом после окончания Великой Отечественной войны. За первые десять послевоенных лет города Беларуси не только восстали из руин, но и выросли, обрели облик, соответствующий современным градостроительным и эстетическим идеалам. В 60-е - 70-е годы в русле решения проблем расселения, хозяйственно-экономического и индустриального развития в масштабах всей республики, начинается разработка Генеральных планов застройки городов на период до двухтысячного года. При этом в структуре городов вычленялись сферы общественно-культурной жизни /театры, музеи, выставочные и спортивные комплексы, зоны массового отдыха/, центры торговли /универсальные торговые ряды и рынки/, зона учреждений науки и учебных заведений. Жилищная проблема решалась созданием крупных многоэтажных жилых микрорайонов, в каждом из которых имелись объекты социального обслуживания местного значения /кинотеатры, магазины, школы, детские сады, поликлиники/. Промышленные и энергетические зоны выносятся за пределы городской черты, вдоль границы которой создается зеленая зона /лесопарковый пояс/. Городские структуры и зоны связывались сетью транспортных коммуникаций /автомагистралей/ соответственно местного, районного и общегородского значения. Градостроительный образ определялся применением экстравагантных форм, высотными силуэтными компози-

циями вокруг представительных доминант. Общественные здания и сооружения строились по индивидуальным проектам, часто как уникальные /театры, дворцы культуры и спорта, стадионы, гостиницы/. Жилая застройка возводилась по типу многочисленных серий, ленточных, блочных, точечных зданий. Новые формы и пространственные решения внедрялись в промышленную архитектуру. Унификация застройки городов Беларуси привела к постепенному исчезновению в их облике этнографических, национальных черт: исторических особенностей ландшафтно-пространственной организации застройки; традиций формирования комплексов культурных, общественных и административных зданий и площадей, объектов торговли и производства, городской жилой среды. И как следствие - потеря перспектив урбанистического развития, дисгармония в экологической, демографической и социальной структурах городов. Выход из ситуации в дальнейшем, в сохранении и регенерации зон исторической застройки городов и экологической среды /увеличение площадей парков, водоемов и др./. Черты городских ансамблей и объемные решения составляющих их сооружений должны брать истоки из традиций и иметь индивидуальность отвечающую региональным и локальным особенностям экологической и культурной среды. Новые технологии /монолитный и сборный железобетон, композитные материалы/ обеспечивают возрождение на основе творческой интерпретации традиционных силуэтных, пластических и цветовых особенностей застройки. Возрождению национальных особенностей архитектуры городов будет способствовать и формирование коттеджных и пригородных зон.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Беларуское народное зодчество являет собой сложный этнокультурный комплекс. В основе его лежат региональные особенности ландшафтно-этнографической среды, региональные и локальные особенности в функции, конструкции, пространстве, форме, мировоззренческое, духовное /эмоциональное/ содержание, фиксирующее в объемах, их конструкции и структуре отпечатки глубоких нравственных, этических и эстетических традиций и начал.

2. Эволюция белорусского народного зодчества представляется как часть процессов, охватывающих значительные европейские ареалы. В свете этого перспектива дальнейшего изучения предмета видится в контексте общеевропейской культуры.

3. Яркое проявление этническая специфика нашла в системе расселения. Ее обусловленность - в тесном соответствии ландшафтно-экологической среде и ее регионам, сформированной бассейнами рек, поймами и террасами, грядами водоразделов.

4. Типология сельских поселений Беларуси развивалась в неразрывной связи с эволюцией системы расселения. Каждый тип является результатом рационального освоения пространства и его природных объектов.

Историческим сельским поселениям Беларуси присущи черты архитектурно-ландшафтного ансамбля, в котором застройка и отдельные ее звенья /общественные и культовые сооружения, сельская территория, пригубенья, производственные сооружения; кладбища/ гармонично связаны с ландшафтом, его дендрологическими, гидрологическими и топографическими особенностями. В этой гармонии суть целостного образа поселения, отражающего рациональные и эмоциональные начала среды обитания человека. В региональных и локальных отличиях этого образа — суть глубокого духовного осознания принадлежности к "малой родине".

5. Эволюция сельской усадьбы белорусов — часть всеобъемлющего процесса развития типов усадеб и двора в Восточной Европе. Линейный тип застройки существенно определил облик белорусского типа уличной деревни. Заложенные в линейном и замкнутом дворах композиционные начала, обусловили и нашли отражение в развитии композиций культовых сооружений, общественных построек. Традиционная усадебная застройка белорусов обладает чертами архитектурного ансамбля с выявлением доминанты /жилище/, гармоничным соподчинением структурных звеньев. Структурно-планировочное строение усадеб на основе комплексов соподчиненных сооружений /звеньев/ — важная функциональная особенность традиционной дворовой застройки Беларуси.

6. Материалы и конструкции в белорусском народном зодчестве обнаруживают глубокую историческую обусловленность природно-климатическими факторами. В выборе их присутствует рациональность, соответствие схеме работы сил в сооружении, пропорциональность и эстетика форм. Размеры сооружений сомаштабны человеку и окружающей среде, а метрическая система обладает стройной геометрической соподчиненностью построения форм. Белорусскому народному зодчеству присуще единство конструкций и форм. Это единство глубоко исторично и восходит к древнему жилищу, в том числе и дославянской эпохи, оборонному зодчеству раннеславянской поры, заимствованиям из архитектуры западных, восточных и северных регионов Европы /в культовой архитектуре/ в эпохи готики, ренессанса, барокко и т.д.

7. В ходе исторического развития сформировался конкретный тип традиционного жилища белорусов, — хата с диагональной организацией внутреннего пространства, развернутой устьем к входу

печью, оконными проемами напротив красного угла и печи. Региональные разновидности народного жилища обусловились не только архитектурно-планировочными отличиями "хаты", но и в большей степени разнообразием связей с соседствующими помещениями /жилое звено/. Большое значение в выразительности регионального и локального типа играли конструкции, формы и их соотношения. Хата белоруса тесно связана с мировоззрением и духовной культурой ее обитателя, что подтверждается глубоко историческими ритуалами и обрядами связанными с ней.

8. Особенности интерьера белорусского народного жилища неразрывны с его архитектурой. Ему присущи функциональность в зонировании пространства, региональное разнообразие в выборе и размещении атрибутов, организация предметного мира жилища зависела от количества соседствующих помещений /сени, камора и др./ и связей между ними. Конструктивное разнообразие мебели обусловлено в значительной степени совершенствованием элементов; изначально конструктивно связанных с жилищем /пристенная мебель/, они служили и образцами для ремесленного и мануфактурного производства; где были обогащены вследствие стиливой и пластической обработки.

9. Процессы европейского масштаба захватили в свое историческое орбиту и развитие декора и пластики народного зодчества Беларуси. Динамично распределились регионы резного и полихромного декора, эстетического восприятия конструкций и их пластической обработки. Белорусский народный архитектурный декор богат не только региональным разнообразием технических приемов, но и служит еще одним проявлением духовного понимания создаваемой человеком среды. Романтическое и символическое содержание композиций и сюжетов раскрывает не только локальные представления о бытии, но и представления общечеловеческие, зафиксированные в многочисленных символах инфоевропейского происхождения. В данном случае декор выступает как закодированная система, хранящая информацию древней онтологии.

10. В комплексе народной архитектуры Беларуси хозяйственные сооружения являются носителями древних, изначальных этапов его эволюции.

11. Традиционно-историческая застройка городов Беларуси — часть единого процесса развития и становления народного зодчества. На ранних этапах здесь зафиксировались этнически специфические для древних славянских народностей конструктивные и планировочные приемы, архитектурные формы и их композиционные соотношения. В оборонном зодчестве раннеславянских городов слож-

лись конструкции и формы, получившие дальнейшее развитие в культовых, общественных и производственных сооружениях. Национальной особенностью является развитие наравне с общеславянской схемой городов по типу град-торг-посад, западноевропейской схемы град-посад с торгом в центре. Наиболее ярким проявлением единства эволюции сельского и городского традиционно-исторического жилища является развитие их планировочной дифференциации. Единые принципы сегментации пространства – важная этническая черта, нашедшая продолжение и в современных унифицированных и типизированных формах сельского и городского жилища. Этот фактор из специфического перешел в обширную сферу общественного сознания, характерную многим народам Европы и мира, у которых пространство жилища исторически эволюционизировало посредством сегментации, или блокировки замкнутых объемов. И, наоборот, для народов, у которых исторически жилище развивалось на основе трансформации единого пространства и в современных условиях типичным является единый объем, расчлененный мобильными мембранами.

Основные положения исследования отражены в следующих публикациях:

1. Беларуское народное зодчество. Мн., 1991–287 с.: в. 1.
2. Сцэны старога Мінска: Нарыс драўлянай архітэктуры. Мн., 1991–125 с.: Лл.
3. Типы застройки крестьянского двора в Белоруссии // Советская этнография. 1987. № 4. С. 114–127.
4. Ляды, рудні, буды... // Неман. 1986. № 12. С. 162–165.
5. Малодні драўляных варункаў / агульныя рысы і рэгіянальны асаблівасці беларускага народнага архітэктурнага дэкору // Мастацтва Беларусі. 1987. № 7. С. 68–72.
6. На мяжы трох рэгіёнаў // Беларуская мова і літаратура ў школе. 1988. № 4. С. 76–79.
7. Новее жыццё помнікаў. // Помікі гісторыі і культуры Беларусі. 1988. № 1. С. 31–33.
8. Пад адкрытым небам? // Помікі гісторыі і культуры Беларусі. 1988. № 1. С. 31–33.
9. Пра што раскажуць прадмесці. // Мастацтва Беларусі. 1988. № 5. С. 44–49.
10. Музей под открытым небом – современную концепцию. // Строительство и архитектура Белоруссии. 1988. № 5. С. 14–16.
11. Узорам была хата / традыцыі народнай архітэктуры ў драўляным культурным дойлідстве Беларусі. // Мастацтва Беларусі. 1989. № 12. С. 54–58.

Подписано к печати 01.03.93

Бумага писчая № 1

Усл. печ. л. 2,85

Тираж 100

Зак.

Формат 60x84,1/16.

Печать офсетная.

Учетн. изд. л. 2,7

Бесплатно.

Отпечатано на ротационной машине в типографии Белгипросвязь. 220012,
г. Минск, ул. Сурганова, 24.

471202

AB 26.883